

— перем —

«Русская мысль» — №4200 — 4—10 декабря 1997 — 15

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анатолий Азольский —
лауреат Букеровской премии

27 ноября в Москве Букеровская премия 1997 года была присуждена Анатолию Азольскому за роман «Клетка» («Новый мир», 1996, №№5-6).

Учрежденная британской компанией «Букер» в 1991 г. и призванная отметить лучший роман года на русском языке, эта премия присваивается в шестой раз. Лауреаты прошлых годов: Марк Харитонов, Владимир Маканин, Булат Окуджава, Георгий Владимов, Андрей Сергеев.

Жюри из шести человек под председательством литературоведа Игоря Шайтанова из 42 двух представленных произведений первоначально отобрала шесть, определив таким образом т.н. шорт-лист, или финалистов конкурса. Кроме победителя, это Дмитрий Липскеров («Сорок лет Чанчжоу»), Юрий Малецкий («Любовь»), Ольга Славникова («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»), Людмила Улицкая («Медея и ее дети»), Антон Уткин («Хоровод»). Каждый из них получил по 1 тысяче долларов, а лауреат — 12,5 тысяч.

Другая премия — так называемый «Малый Букер» (4 тыс. фунтов стерлингов) — в этом году присуждается за книгу, которая внесла значительный вклад в историко-философские и культурные исследования. Жюри приняло решение разделить ее между двумя авторами (из 25 номинантов) — Михаилом Гаспаровым («Избранные статьи») и Алексеем Гольдштейном («Расставание с Нарциссом»).

На вопросы корреспондента «РМ» отвечает один из членов жюри — Владимир НОВИКОВ, литературовед, профессор кафедры критики факультета журна-

Анатолий Азольский.

листики МГУ.

— Почему лауреатом Букеровской премии 1997 года стал именно Анатолий Азольский?

— Жюри призвано отражать общественное мнение. В данном случае выбор жюри совпал с ним. И прогнозы, и пожелания были в пользу Азольского. Так что победил этот писатель в абсолютно честной борьбе, будучи избран большинством голосов.

— Анатолий Азольский, «матерый реалист» 1930 года рождения, оказался самым современным писателем?

— Слово «самый», на мой взгляд, здесь не очень уместно, для эстетики не существует спортивных пьедесталов с цифрами 1, 2, 3. Проза Азольского, безусловно, современна. Сейчас мы присутствуем при новом витке реализма. Нет сейчас более старомодных и безнадешных авторов, чем, скажем, Виктор Ерофеев или Валерия Нарбикова. Знаменательно, что даже такой прекрасный писатель, как Саша Соколов, замолчал: он понял, что эстетика «Школы для дураков» — это прошлое литературы.

— Значит, настоящее за реализмом?

— В одной из своих книг я предложил в порядке игры такое слово, как «треализм» — эстетика третьего тысячелетия. Что отличает прозу Азольского? Вкус к сюжетному повествованию, сюжетному изобретательству. Все разговоры о бессюжетности, о том, что сейчас биография человека, рассказ о жизни интереснее, чем роман, устарели. Я бы сказал, что Азольский — это мост между новаторскими поисками шестидесятых годов и нашим временем. Азольский — оживленный «формалист» по своему письму. Он очень большое значение придает тому, как писать. Если говорить о возрождении реализма, то можно назвать, во-первых, вкус к сюжетному повествованию, во-вторых, психологизм. Писатель отличается от непишущего человека более острым восприятием жизни и умением это проанализировать (писатель-эгоцентрик, который только себя понимает, — уходящая фигура эпохи модернизма). И плюс ко всем перечисленным качествам — неэлементарный язык. Каждая фраза — индивидуальна. В то же время язык у Азольского прозаический, а не поэтический. Время поэтической прозы прошло.

Я за Азольского очень рад. Писатель, столько лет работавший в литературе, человек с драматической судьбой, став лауреатом, подтвердил, что поиски его были не напрасны.

АННА ЧЕПУРНОВА

Москва